

УГОЛОВНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОЮЗНИКИ ИЛИ АНТАГОНИСТЫ?

Осинцев Дмитрий Владимирович

Главный научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук,
e-mail: dimios@mail.ru

В отечественной юриспруденции появление, развитие и совершенствование института административной ответственности, со временем трансформировавшегося в отдельную подотрасль административного права, считается одним из выдающихся достижений в правоведении. Действительно, его идеология, направленная на гуманизацию и декриминализацию отдельных недостойных поступков, выступала одним из способов обеспечения прав и свобод личности. Названный институт напрямую следовал из института уголовной ответственности, во многом заимствовал характерные для него юридические конструкции, однако со временем стало очевидным, что они не имеют ничего общего. Административная ответственность устанавливается на основании отклонений от административных требований (закон лишь формально ее легитимирует); по сути, не имеет состава правонарушения; связана с соучастием в рамках формальной противоправной деятельности; предполагает принятие мер в зависимости от предоставляемых административных статусов и режимов регламентации, которые проявляются в рамках не охранительного, а регулятивного воздействия; те меры, что считаются наказаниями, выступают лишь средствами индивидуальной корректировки поведения, поэтому правоохранительных задач не решают.

Ключевые слова: административная ответственность, состав правонарушения, административная регламентация, уголовные наказания, категории правонарушений

CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: ALLIES OR ANTAGONISTS?

Osintsev Dmitrii

Chief researcher, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
e-mail: dimios@mail.ru

In the domestic jurisprudence, the emergence, development and improvement of the institution of administrative responsibility, which has transformed into a separate sub-sector of administrative law over time, is considered as one of the outstanding achievements in jurisprudence. Indeed, its ideology, aimed at humanizing and decriminalizing certain unworthy acts, was one of the ways to ensure the rights and freedoms of the individual. The named institute followed from the institute of criminal responsibility and in many respects borrowed its legal constructions; however, over time it became evident that they have nothing in common. Administrative responsibility is established on the basis of deviations from administrative requirements (the law only formally legitimizes it); in fact, has no corpus delicti; is connected with complicity in the framework of formal illegal activity; implies the imposition of measures depending on the granted administrative statuses and regulatory regimes that are manifested in the framework of not protective but regulatory influence; those measures that are considered punishments are only means of individual behaviour correction, so they do not solve law enforcement tasks.

Key words: administrative responsibility, constituent elements of an offence, administrative regulations, criminal penalties, categories of offenses

Как бы ни различались позиции правоведов в части соотношения и дифференциации уголовной и административной ответственности, какие бы серьезные дискуссии ни разворачивались, вывод все равно был один: названные виды ответственности неразрывно генетически связаны, административная сопутствует уголовной (действительно, КоАП РСФСР (РФ) появился позже УК РСФСР (РФ), занимает второстепенную роль, может обеспечивать реализацию уголовно-правовой репрессии в мягких формах)¹. Иногда категориальные оговорки носили такой характер, что показывали сходство этих видов ответственности до степени смешения².

С позиций юридической техники инструментальный аппарат административной ответственности неуклонно следовал за конструктивно-техническими построениями и приемами, используемыми в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. То же понимание *состава административного правонарушения* явно заимствовано из науки уголовного права, а не является оригинальным новшеством административных исследований³.

Что же касается криминологии, административной деликтологии и политики, то тут законодатель не придерживается какого-то строгого курса на усиление или ослабление ответственности по существу и ее последствий, хотя сам по себе переход от уголовной ответственности к административной является смягчением карательной практики, а дальнейшие шаги свидетельствуют о декриминализации отдельных статей и переводе их из разряда уголовно наказуемых в административно санкционируемые⁴. Правда, должного эффекта это не дает, даже наоборот, криминогенная ситуация только ухудшается, но псевдогуманизация и смена моделей регламентации все равно продолжают от случая к случаю⁵.

Можно утверждать, что в науке административного права сложилась догматическая позиция, согласно которой административная и уголовная ответственность настолько близки⁶, что их порой трудно различить. Однако это лишь видимость, так как они близки по искусственно подогнанным конструктивно-техническим признакам (внешней оболочке), но как модели правового регулирования отстоят друг от друга, как полюса планеты, причем центробежные силы, разъединяющие эти виды охранительного воздействия, проявляются в законодательстве все больше.

¹ Ядыкин Ю. Уголовная и административная ответственность за хищение // Законность. 2006. № 1; Анганзоров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. 2009. № 2; Лыков В. А. Соотношение административной и уголовной ответственности // Там же. 2010. № 5. С. 50–51; Федосеева Н. Н., Чугунов Н. А. Совершенствование механизмов привлечения к уголовной и административной ответственности лиц, уклоняющихся от призыва // Военно-юридический журнал. 2010. № 9. С. 16–21; Иванов И. С. Продажа товара с истекшим сроком годности: уголовная или административная ответственность? // СПС «КонсультантПлюс». 2011; Ильин И. В. Вопросы установления административной ответственности за нарушение правил обеспечения безопасности как меры охранительного предупреждения экономической преступности // Российский следователь. 2012. № 9. С. 30–32; Кирилин А. В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 53–57; Попугаев Ю. И. О внутриотраслевой коллизии норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, способы ее разрешения // Там же. 2013. № 10. С. 10–15.

² Сырых В. М., Панкратов И. Ф. Дисциплинарная и административная ответственность за экологические преступления // Журнал российского права. 1998. № 7; Панкова О. В. Административная ответственность за налоговые преступления: проблемы и судебная практика применения КоАП РФ // Журнал российского права. 2004. № 1.

³ Чаннов С. Е. Состав административного правонарушения как основание административной ответственности // СПС «КонсультантПлюс». 2008.

⁴ Мещерякова Т. Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 46–49; Пурге А. Р. Административная ответственность в семейных правоотношениях // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 1–9; Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1. С. 26–34; Хоменко А. Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1. С. 37–42.

⁵ МВД предложило ужесточить наказание за насилие в семье // НТВ. 2017. 17 дек. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1963580>.

⁶ Головкин Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russica. 2016. № 1. С. 139–145; Кисин В. Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. № 7. С. 12–16.

Юридическая ответственность, в том числе административная, может наступать только за те деяния, которые *законом*, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Наличие *состава правонарушения* является необходимым основанием для всех видов ответственности, а признаки и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование *справедливости*, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности. Общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины как элемента *субъективной стороны* состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. предусмотрено непосредственно в законе (см. постановления Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П, от 17 июля 2002 г. № 13-П, от 18 мая 2012 г. № 12-П и др.)

Действительно, оба кодекса позиционируют построение охранительного законодательства на основании лишь законодательных актов. Часть 1 ст. 1 УК РФ гласит: уголовное законодательство РФ состоит из УК РФ; новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ; последний основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. В свою очередь законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ об административных правонарушениях; если международным договором РФ установлены иные правила, то применяются правила международного договора (ст. 1.1 КоАП РФ).

Подавляющее большинство статей УК РФ вводятся законом как актом прямого действия, но с нормами КоАП РФ ничего подобного не происходит. Многие статьи названного Кодекса сформулированы отсылочным способом и направляют к правилам (ст. 5.50, 6.3, 7.18, 8.2, 9.3 и др.), требованиям (ст. 5.6, 6.4, 7.3, 8.1, 9.1 и др.), порядку (ст. 10.2, 11.3, 12.1, 13.4, 14.1.1 и др.) и т. д. Очевидно, что административная ответственность устанавливается не законом и не исключительно КоАП РФ или законами субъектов РФ, а теми правилами, которые признают охраняемыми представители государственной администрации в зависимости от их нормативности или ненормативности, общезначимости или общеобязательности, добровольности или директивности в применении и т. д.

Итак, первое и коренное отличие административной ответственности от уголовной – оригинальность законодательной регламентации или производность подзаконного регулирования, т. е. если не будет правил, установленных административными органами, не будет и административной ответственности. Ведь не случайно частным случаем применения ст. 1.7 КоАП РФ является отмена или изменение административного порядка регламентации отношений (например, отмена лицензирования после того, как был выявлен факт ведения деятельности без лицензии или нарушения лицензионных условий, либо ведомственного акта, установившего порядок представления отчетности¹). Производство по делу об административном правонарушении в таких случаях подлежит прекращению.

О применении норм международного права в административно-юрисдикционных правоотношениях можно забыть. Это правило как было декларацией, так и осталось, а иного и быть не могло: автономия исполнительной власти никогда не позволит устанавливать внешний диктат над суверенными структурами государственного управления. Если и встречаются иные правила, предусмотренные международными договорами, то они зачастую относятся к иностранным или зарубежным элементам, причастным к административным правонарушениям по российскому законодательству, которое к ним неприменимо.

Дискуссия по вопросу о полномочиях субъектов РФ в сфере административной ответственности за многие годы привела лишь к выводам, что они способны устанавливать только отдельные административные правила; но это не опровергает сути административной ответственности как последствий невыполнения требований, введенных и (или) поддерживаемых административными органами².

¹ Постановление ФАС Уральского округа от 24 января 2008 г. № Ф09-10729/07-С1.

² Масленников М. Я. Законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности: правотворчество и центробежные импровизации // Административный процесс: теория

Кстати сказать, даже если не будет закона, предусматривающего административную ответственность, то применение мер охранительного воздействия по аналогии предполагает Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в ст. 20 которого сказано: «1. Официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения объявляется лицу, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, при отсутствии оснований для привлечения его к уголовной или административной ответственности и содержит обязательное для исполнения требование о недопустимости таких действий либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

2. Порядок объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, включая порядок его направления (вручения), форма официального предостережения (предостережения), а также перечни категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение (предостережение), устанавливаются нормативными правовыми актами субъектов профилактики правонарушений, которые указаны в части 2 статьи 17 настоящего Федерального закона и которым законодательством РФ предоставлено право объявления официального предостережения (предостережения)».

Иными словами, правила административной деликтности и юрисдикции остаются в стороне и не учитываются.

Необходимым и достаточным основанием для квалификации поступка (в том числе намерения, высказывания) как административного правонарушения выступает *наличие факта неисполнения или ненадлежащего исполнения установленных административных или иных правил, охраняемых административными санкциями*. Отступление от установленных правил и требований само по себе уже влечет административную ответственность, поэтому обсуждение вопроса о приготовлении или покушении на административное правонарушение является логической ошибкой, означающей, что в законодательство РФ об административных правонарушениях включены составы оконченных противоправных действий (бездействия).

Все межсубъектные взаимодействия могут быть подвержены правовому влиянию, будь то явно выраженное *намерение, высказывание или поступок*. Что же выступает основой для квалификации деяния как правового, а тем более административно наказуемого? Полагаем, что квалификация начинается на интенциональной стадии, так как натуралистическое понимание приведет нас в западню. Г. П. Щедровицкий отмечал, что «для интерпретации получаемых нами значений как характеристик изменения или развития мы должны иметь еще один показатель, гарантирующий нам то, что мы имеем дело все время с *одним и тем же* объектом или явлением. В некоторых случаях таким показателем может служить чувственное представление о единстве объектов, в других – специальный параметр, остающийся в ходе всех измерений неизменным»¹. Юрист без опоры на твердую почву деятельности оценки может попасть в дурной круг анализа поступков, где передача вещи может трактоваться как подарок, благотворительность, взятка, помощь, временное заимствование, пожертвование, частичное исполнение отдельных видов обязательств, проверка материала и пр. Как утверждал Э. Фромм, «основной бихевиористский тезис, согласно которому наблюдаемое поведение представляет собой надежную с научной точки зрения ве-

и практика / отв. ред. А. С. Дугенец, М., 2008. С. 183–205; Болотин В. С., Старостин Б. А. Проблемы правового регулирования субъектами России вопросов административной ответственности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ // Административное право и процесс. 2010. № 4. С. 19–22; Александрова Р. С. К вопросу о законотворчестве субъектов РФ в области установления административной ответственности // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 6–9; Россинский Б. В. О полномочиях Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области установления административной ответственности // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 26–31; Брциева З. Г. Коллизия норм по передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях субъектами Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 15. С. 27–31.

¹ Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении: курс лекций. М., 2003. С. 43–46 (Сер.: Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6).

личину, совершенно ошибочен. На самом деле поведение различно в зависимости от различия мотивирующих его импульсов, а они-то часто скрыты от наблюдателя»¹.

Нет ничего удивительного в том, что административно наказуемыми становятся явно выраженные намерения: явное неуважение к обществу (ст. 20.1 КоАП РФ), пропаганда (ст. 20.3 КоАП РФ), уклонение (ст. 20.25 КоАП РФ), так как этого вполне достаточно, чтобы посчитать нормальный режим функционирования исполнительной власти дискредитированным.

Обратимся к *составу административного правонарушения*, о котором говорится в ч. 2 ст. 4.4, ст. 14.1, пп. 2, 9 ч. 1 ст. 24.5, ст. 28.6 КоАП РФ, где даже проводится разграничение составов по формально-логическим признакам. Однако если в УК РФ вычленение данной юридической конструкции обоснованно (важны операционные характеристики поступков до их мельчайших отличий), то в КоАП РФ ни легальное включение, ни модельное построение «состава административного правонарушения» не требуется, так как найти хотя бы одно правонарушение, которое предполагало бы ответственность за совершение единичного деяния, практически невозможно; в большинстве случаев описываются варианты деятельности, а не действий. Если такие случаи и встречаются, то они свидетельствуют лишь о том, что в КоАП РФ по недоразумению попали правонарушения иной отраслевой принадлежности. Речь идет о материальных или физических повреждениях различного рода, низвержении нравственности (проституция, оскорбление, пропаганда извращений и пр.), хулиганских проявлениях во всех их видах и т. д., которые являются разновидностями преступлений, пусть и с привилегированными составами, и должны занять свое место в УК РФ.

Более того, так ли важно установление того, кто задействован в соответствующей деятельности? Конечно, чтобы индивидуализировать ответственность, установление виновного лица обязательно (хотя в отношении неустановленных лиц дела возбуждаются²), но в деятельности не может быть виновно одно лицо. В том-то и состоит особенность административной ответственности, что в ней институт соучастия специально не должен рассматриваться, так как каждое правонарушение совершается только в соучастии; в противном случае можно говорить о том, что правонарушение ошибочно попало в административно-деликтное законодательство.

Здесь можно привести два серьезных аргумента. Во-первых, большинство составов предполагают ответственность за одно и то же правонарушение как граждан, так и должностных и юридических лиц (при этом названные субъекты являются специально обязанными (уполномоченными) на выполнение режимных и (или) статусных профессиональных правил поведения в различных отраслях и сферах деятельности, т. е. генеральный субъект административной ответственности отсутствует, как бы это ни провозглашалось в ст. 2.3 КоАП РФ). Во-вторых, если в санкции статьи предполагается ответственность, условно говоря, общего субъекта, который что-то распивает, что-то потребляет, что-то расклеивает и т. д., это говорит о том, что есть и иные лица, которые ранее прямо или косвенно способствовали совершению соответствующего правонарушения (предоставляли запрещенные вещества; реализовывали лицу, находящемуся в состоянии опьянения, алкогольную продукцию; выпускали на линию неисправное транспортное средство; печатали запрещенные материалы и пр.); кроме того, в сложившейся ситуации трудно объяснить попустительство контрольно-надзорных органов, чьи задачи и функции направлены на противодействие подобным инцидентам.

Допустим, дело об административном правонарушении было возбуждено в отношении неустановленного лица, до стадии рассмотрения дела названный субъект так

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М., 2015. С. 73.

² Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27 сентября 2010 г. по делу № А43-9395/2010; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 января 2015 г. № Ф01-5865/2014 по делу № А43-2391/2014; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 апреля 2011 г. по делу № А33-8368/2010; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 5 ноября 2009 г. по делу № А03-9563/2009; от 3 февраля 2009 г. № Ф04-387/2009(20107-А45-29) по делу № А45-10747/2008; постановление ФАС Московского округа от 28 июня 2005 г., 27 июня 2005 г. № КА-А40/5611-05; постановление ФАС Поволжского округа от 4 июня 2013 г. по делу № А65-19404/2012; постановление ФАС Уральского округа от 15 декабря 2009 г. № Ф09-10102/09-С1 по делу № А60-39174/2009-С9; постановление ФАС Центрального округа от 17 декабря 2007 г. по делу № А23-720/07А-3-33.

и не был определен с достоверностью. Напрашивается вполне логичный вывод: производство по делу об административном правонарушении нужно прекратить (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Но разве при этом можно довольствоваться принятым решением и остановить розыск лица, в отношении которого ведется производство по делам об административных правонарушениях, или отказаться от профилактических, контрольно-надзорных, пресекаательно-восстановительных мер, проведения мероприятий по устранению причин и условий совершения административного правонарушения? Конечно, нет. Таким образом, даже если нет субъективного элемента правонарушения (виновность в этом случае само собой отрицается, так как нет субъекта или деятельность настолько сложна, что их количество трудно определить), административные меры все равно будут приняты, пусть не в виде административных наказаний, пусть не к формализованному субъекту и даже пусть деятельность формально не является противоправной, но лишь несет в себе элементы опасности. Главное – повлиять на ход деятельности, а не только наказать специально отобранное для этого лицо.

К ответственности может быть привлечено именно юридическое лицо, а не его филиал, представительство или иное обособленное подразделение¹. Вместе с тем суды принимают к рассмотрению заявления административных органов о привлечении к административной ответственности юридических лиц, если деяние было связано с функционированием филиала (представительства), по месту нахождения последних². Помимо мер ответственности, к любому лицу (группам лиц) в случае нарушения им установленных административных правил можно применить иные меры административного принуждения, поэтому формальное отсутствие субъекта – вовсе не препятствие для начала правоохранительной работы.

Стоит обратить внимание на правовые положения, сформулированные в постановлении Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П: «Виновность юридического лица в совершении административного правонарушения является так или иначе следствием виновности его должностных лиц или работников, привлечение которых к административной или уголовной ответственности не освобождает... от административной ответственности само юридическое лицо, притом что за совершение одного и того же административного правонарушения для юридических лиц обычно предусматриваются более высокие по размеру санкции по сравнению с физическими лицами. Такое правовое регулирование, будучи обусловленным спецификой административной деликтоспособности юридических лиц, сопряженной с причастностью к совершению административных правонарушений не отдельных индивидов, а создаваемых... организаций, на которые как на участников гражданского оборота возлагаются и сопутствующие осуществляемой ими деятельности риски и которые – в отличие от физических лиц – не признаются субъектами уголовной ответственности, является конституционно допустимым (постановления Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П, от 26 ноября 2012 г. № 28-П и от 17 января 2013 г. № 1-П)».

Поступки (намерения и высказывания), формально влекущие неисполнение или ненадлежащее исполнение административных правил и требований, но не отвечающие решению задач административно-деликтного законодательства, могут повлечь административную ответственность, хотя и *не содержат объект противоправного посягательства*. В данном случае не исключается применение иных мер защиты нарушенных прав и законных интересов государственного, в том числе административного, принуждения. Необходимо критически пересмотреть те административные правонарушения, юридическая конструкция которых находится за пределами публичного администрирования и граничит с недостойными поступками лица, чье вызывающее поведение никакой угрозы безопасности не представляет, но и оставлять его без должного внимания невозможно.

Объект посягательства отсутствует в ключевом составе административного правонарушения – самоуправство (ст. 19.1 КоАП РФ), при совершении которого не причиняется вред иным лицам, а лишь создается новый объект правового регулирования,

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 28 апреля 2008 г. № А60-4731/2008-С5.

² Немова О. Ю. Изменение судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с деятельностью филиалов (представительств) юридического лица // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2008. № 2.

правда, вопреки установленному порядку. Кстати, ст. 19.2 КоАП РФ, связанная с умышленным повреждением или срывом печати (пломбы), также не содержит объекта посягательства; то же самое можно наблюдать в ст. 19.6, 19.7–19.7.13, 19.10, 19.15 и ее производных, ст. 19.21 и ряде других, что вполне закономерно, так как этот объект реально не существует, а конструируется административной властью для собственных целей и интересов. Поэтому поддержание порядка управления в должном состоянии возможно иными способами, помимо привлечения к ответственности.

Можно сделать следующий вывод: *состав административного правонарушения для применения принудительных мер, в том числе административных наказаний, не требуется, достаточно самого поступка (деятельности).*

В силу ст. 1.7 КоАП РФ лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время и по месту совершения административного правонарушения. *Закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, его совершившего, имеет обратную силу, т. е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено. Закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.*

Сходная норма содержится в ст. 10 УК РФ. Но возникает вопрос: если нормы, смягчающие или отменяющие ответственность, встречаются в УК РФ с завидной регулярностью, много ли было законов, которые смягчали или устраняли административную ответственность? Наряду с тысячами статей, которые либо устанавливали, либо усиливали ответственность, о ее смягчении можно было говорить лишь в однотипных ситуациях:

1) изменились правила регулирования, за нарушение которых была установлена административная ответственность. Это момент юридической политики, лишь косвенно относящийся к смягчению ответственности; причем остаются случаи, когда само основание административной ответственности сохраняется (могут измениться промилле, но ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения останется – ст. 12.8 КоАП РФ);

2) изменились правила назначения наказания. Например, под «давлением» положений Конституционного Суда РФ были дифференцированы правила применения административного штрафа¹, но на саму ответственность это не повлияло.

Что же касается отмены закона, устанавливающего административную ответственность, то Конституционный Суд РФ распорядился следующим образом: «Отмена административной ответственности за то или иное деяние с одновременной заменой ее уголовной ответственностью не может считаться устранением ответственности за совершение соответствующего деяния, иными словами, установление уголовной ответственности за деяние, которое ранее признавалось административно наказуемым, не может свидетельствовать об отмене публично-правовой ответственности за такое деяние.

Более того, криминализация федеральным законодателем деяний, ранее признаваемых административными правонарушениями, представляет собой ужесточение публично-правовой ответственности за их совершение, проявляющееся в повышенной строгости уголовных санкций по сравнению с административными санкциями, большей степени ограничения прав при применении уголовно-правового института судимости по сравнению с институтом административной наказанности. Отмена законом административной ответственности за определенное деяние с одновременным переводом такого деяния под действие Уголовного кодекса Российской Федерации означает, что законодатель не только продолжает оценивать данное деяние как правонарушающее, но и считает возросшей степень его общественной опасности.

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 16 ноября 2016 г. № 33-АД16-12; постановление Президиума ВАС РФ от 24 июля 2012 г. № 2522/12 по делу № А40-99688/11-148-888; постановление Верховного Суда РФ от 16 сентября 2011 г. № 18-АД11-14 и др.

Соответственно, применительно к вопросу о возможном прекращении на основании пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в подобных случаях исполнения вступившего в законную силу постановления суда о назначении административного наказания отмена административной ответственности за конкретное деяние с его одновременной криминализацией по своим правовым последствиям от ужесточения административной ответственности за административное правонарушение принципиально не отличается: и в том и в другом случае для прекращения исполнения судебного постановления нет оснований.

Данный вывод базируется, в частности, на вытекающих из конституционных принципов справедливости и равенства требованиях неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, а также определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования...

...необходимо, чтобы, во-первых, положения закона, отменяющие административную ответственность за конкретное деяние и вводящие за него уголовную ответственность, вступали в силу одновременно, а во-вторых, чтобы при законодательном преобразовании состава административного правонарушения в состав преступления сохранялась ответственность именно за то деяние, за которое ранее предусматривалось административное наказание»¹.

На основании изложенного в ч. 2.1 ст. 1.7 КоАП РФ появилось следующее правило: в случае одновременного вступления в силу положений закона, отменяющих административную ответственность за содеянное и устанавливающих за то же деяние уголовную ответственность, лицо подлежит административной ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения.

Однако если административная ответственность будет заменена, допустим, гражданско-правовой или налоговой, бюджетной, дисциплинарной и пр., их следует считать более мягкими или более строгими по отношению к административной ответственности? При этом опять же ответственность как таковая за тождественное деяние не устраняется, только изменяется ее отраслевая принадлежность. Как получилось, что деяние, которое всегда считалось административным правонарушением, вдруг стало экологическим или муниципально-правовым? Напрашивается единственный вывод: законодатель ошибочно посчитал поступок с административной противоправностью наказуемым в соответствии с КоАП РФ, а затем эту неточность исправил. Но так можно поступить с каждым из административных правонарушений, что полностью дискредитирует институт административной ответственности: она становится как бы «тренировочной площадкой» для «более могущественных» видов государственного принудительного воздействия, а ее юридические конструкции – нормами-накопителями противоправных признаков.

Однако возвратимся к разговору о *справедливости* двух кодексов.

Статья 4 УК РФ гласит: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

В соответствии со ст. 1.4 КоАП РФ физические лица подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности. Особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров и иных лиц), устанавливаются Конституцией РФ и федеральными законами. Особые условия применения мер административной ответственности в отношении являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства лиц, осуществляю-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П.

щих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридических лиц, а также руководителей и иных работников указанных юридических лиц, совершивших административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, устанавливаются КоАП РФ.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ принцип равенства всех перед законом гарантирует равные права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает возможность установления различных норм в отношении лиц, принадлежащих к другим категориям¹. Иначе говоря, равными перед законом они становятся, поскольку административная власть не предоставила им соответствующего статуса или режима регламентации их деятельности, т. е. такое равенство носит производный и относительный характер.

В другом постановлении Конституционный Суд РФ утверждает: «Поскольку ни часть 1 статьи 1.4 КоАП РФ, согласно которой юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств, ни иные положения данного Кодекса не проводят каких-либо различий между юридическими лицами, судьи и другие правоприменители исходят из того, что при наложении административного штрафа его минимальный размер, установленный за соответствующее административное правонарушение, должен соблюдаться равным образом в отношении всех юридических лиц – независимо от их вида. В результате для отдельных коммерческих организаций, относящихся, как правило, к субъектам малого предпринимательства, а тем более – для осуществляющих социальные, культурные, образовательные, научные и другие функции некоммерческих организаций, в том числе государственных и муниципальных учреждений, привлечение к административной ответственности сопровождается такими существенными обременениями, которые могут оказаться для них непосильными и привести к самым серьезным, вплоть до вынужденной ликвидации, последствиям»².

Аутентично принцип справедливости сформулирован следующим образом: наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ст. 1.6 УК РФ).

Законодатель, увлекшись правоположениями Конституционного Суда РФ, определил для частного случая проявления принципа справедливости неустойчивые правила назначения административного штрафа.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 12 мая 1998 г. № 14-П отметил, что установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно отвечать конституционно закрепленным целям и охраняемым законным интересам, требованиям справедливости, характеру совершенного деяния, быть соразмерным, дифференцированным и индивидуализированным.

В п. 5 постановления от 25 февраля 2014 г. № 4-П Конституционный Суд указал следующее: «Вводя для юридических лиц административные штрафы, минимальные размеры которых составляют значительную сумму, федеральный законодатель, следуя конституционным требованиям индивидуализации административной ответственности и административного наказания, соразмерности возможных ограничений конституционных прав и свобод, обязан заботиться о том, чтобы их применение не влекло за собой избыточного использования административного принуждения, было сопоставимо с характером административного правонарушения, степенью вины нарушителя, наступившими последствиями и одновременно позволяло надлежащим образом учитывать реальное имущественное и финансовое положение привлекаемого к административной ответственности юридического лица...

Поскольку вытекающие из Конституции РФ и общих принципов права критерии (дифференцированность, соразмерность, справедливость), которым должны отвечать

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2005 г. № 424-О.

² Пункт 4.1 постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П.

санкции за административные правонарушения, и, соответственно, сформулированные на их основе... требования к минимальным размерам административных штрафов, устанавливаемых для юридических лиц за конкретные административные правонарушения, распространяются и на иные... положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, внесение в данный Кодекс изменений... должно быть направлено на *исключение возможности чрезмерного ограничения экономической свободы и права собственности* (курсив наш. – Д. О.) юридических лиц при их привлечении к административной ответственности и за другие административные правонарушения, минимальные размеры административных штрафов за которые сопоставимы с теми, что установлены законоположениями, признанными... не соответствующими Конституции Российской Федерации, т. е. по крайней мере составляют сто тысяч рублей и более. При этом федеральный законодатель не лишен возможности закрепить – как на универсальной основе, так и применительно к отдельным видам административных правонарушений – предельный размер административного штрафа, назначаемого юридическому лицу, ниже которого его снижение не допускается».

В п. 4.2 того же постановления Конституционного Суда сказано: «...институт освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения ориентирован исключительно на правоприменительную оценку самого правонарушения и не предназначен для целей учета имущественного и финансового положения юридических лиц или иных смягчающих административную ответственность обстоятельств, а потому не может быть отнесен к средствам, которые позволяли бы при определении меры административной ответственности скорректировать последствия законодательного установления значительных минимальных размеров административных штрафов и тем самым избежать непропорционального ограничения имущественных прав юридических лиц».

Статья 4.1 КоАП РФ гласит: «2.2. При наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к административной ответственности физического лица, судьей, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II настоящего Кодекса, в случае, если минимальный размер административного штрафа для граждан составляет не менее десяти тысяч рублей, а для должностных лиц – не менее пятидесяти тысяч рублей...»

При наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, судьей, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II настоящего Кодекса, в случае, если минимальный размер административного штрафа для юридических лиц составляет не менее ста тысяч рублей...»

3.6. В случае, если при назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 4 или 5 статьи 20.31 настоящего Кодекса, суд, учитывая продолжительность проживания иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории РФ, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства, придет к выводу, что административное выдворение за пределы РФ является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания, назначается административное наказание в виде административного штрафа в раз-

мере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения на срок от одного года до семи лет».

Статья 4.1.1. КоАП РФ вообще предполагает замену административного штрафа предупреждением, исходя из приоритета личности субъектов малого и среднего предпринимательства.

На первый взгляд эти правила достаточно продуманные и взвешенные, но если внимательно прочитать тексты статей, то становится очевидным, что много предусмотренных в них условий и исключений отдано на откуп административным инстанциям, которые по своему усмотрению могут подтвердить или опровергнуть возможность их применения. Причем административный статус или режим является главенствующим при назначении или освобождении от административного наказания, но такая позиция неустойчива и подрывает стабильность правоохранительных отношений.

В вышеназванных постановлениях Конституционный Суд РФ сформулировал интересное положение о том, что административный штраф не должен становиться чрезмерным регулятором экономической деятельности. Но административный штраф никогда и не был регулятором предпринимательской деятельности, его сделали таковым в результате спонтанных реформ административной юрисдикции в России. Получается, что административные наказания и иные средства принудительного влияния используются административной властью как оперативные инструменты воздействия на подведомственную среду и никакого значения как институт ответственности не имеют?

В этом месте внимательный читатель скажет, что автор загнал себя в ловушку, ведь наказания за совершение преступления и административные наказания – однородные, хотя и разноотраслевые средства правоохранительной деятельности (ст. 44 УК РФ, ст. 3.2 КоАП РФ). Действительно, штрафы предусмотрены в обоих Кодексах, разного рода лишения прав и статусов почти идентичны, например, имеются сходные отработки часов в пользу государства, а уж о практике ограничения личной свободы и говорить не стоит.

Если речь идет о полной идентичности наказуемости, значит, все же меры административного воздействия и уголовно-правовой охраны генетически связаны? Ничего подобного. Так, штраф – это не системная мера наказания, а регулятор экономической деятельности, он в оба кодекса попал случайно как превращенная форма налогового обязательства. Лишения статусов – это производные меры дисциплинарного воздействия; если бы их в УК РФ не было, то в законах об отдельных видах государственной и муниципальной службы, актах трудового законодательства такие ограничения все равно появились бы.

Что же касается задержаний, арестов, ограничения, лишения свободы и т. п., то это все производные меры одного рода, причем, как ни прискорбно, это растянутые во времени меры административного пресечения, направленные на оперативное сдерживание противоправных и (или) опасных поступков. На однородность данных мер еще лет десять назад указал Конституционный Суд РФ: «Понятие „лишение свободы“ в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы».

Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы. В связи с этим Европейский Суд по правам человека, отмечая при толковании соответствующих положений Конвенции, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, предлагает оценивать их не по формальным, а по существенным признакам, таким как

принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц»¹.

В данном контексте проблемной является категория «наказание за совершение преступления» как юридический феномен. Очевидно, что на современном этапе гуманизации юрисдикционного законодательства идея наказания оказалась выхолощена и девальвирована, т. е. от ее диких и бесчеловечных форм произошел переход к административным механизмам, которые лишь на время помогают достичь цели правоохранительной работы, но не могут всецело заменить институты социальной ответственности (О каком ограждении от социума можно говорить, если коллективы лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказания, сопряженные с лишением личной свободы, лишь временно находятся под наблюдением охраны; произойдет ли изменение противоправных установок, если вся суть наказания сводится к унижительной работе на холоде, с тяжестью и нечистотами, а воспитательный эффект должны принести отметки в журнале о явке в положенный срок?)

В завершение скажем несколько слов о видах преступлений и административных правонарушений. Если градация первых легальна и имеет объективные критерии (ст. 15 УК РФ), то относительно административных правонарушений возможно лишь одно разделение: малозначительные и иные (ст. 2.9 КоАП РФ), причем категориальная разница не прослеживается объективно, а зависит от усмотрения правоприменителя.

Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность административного правонарушения. Они в силу чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания².

Конституционный Суд РФ указал, что использование в оспариваемом законоположении оценочного понятия малозначительности не свидетельствует о неопределенности его содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П; определения Конституционного Суда РФ от 21 августа 2008 г. № 120-О-О, от 19 марта 2009 г. № 231-О-О, от 17 июля 2012 г. № 1316-О и от 17 февраля 2015 г. № 278-О). Тогда зачем нужен закон, если он не устанавливает никаких правил?

Вот яркий пример малозначительности административного правонарушения. Статья 10 Закона Свердловской области от 14 июня 2005 г. № 52-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области» предусматривает административную ответственность за торговлю вне мест, специально отведенных для этого органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, в том числе торговлю с рук, лотков, автомашин на улицах, площадях, во дворах, в подъездах, скверах, на станциях метрополитена, в аэропортах, на вокзалах³. К. осуществляла торговлю газетами в месте, которое не входит в перечень мест, отведенных для торговли печатной продукцией. Оснований для применения положений ст. 2.9 КоАП РФ не было выявлено, поскольку с учетом конкретных обстоятельств и характера совершенного К. правонарушения оно представляет существенную угрозу установленному порядку осуществления торговли в отведенных для этого местах. Вследствие чего такая угроза возникла?

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П.

² Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5.

³ Постановление заместителя председателя Свердловского областного суда от 20 сентября 2012 г. по делу № 4а-668.

Признается, что имеет место тенденция, когда за выполнение формального состава административного правонарушения положения о малозначительности не применяются, так как особый порядок охраны отношений не требует установления причиненного вреда¹. Например, в случае нарушения законодательства о рекламе значимыми являются посягательство на сам установленный порядок ее распространения, нарушение прав потребителей на получение достоверной информации, что представляет собой существенную угрозу охраняемым общественным отношениям в сфере потребительского рынка. Отсутствие вредных последствий не имеет значения для наступления ответственности за указанное административное правонарушение².

В любом случае возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно. Применение положений о малозначительности должно быть мотивировано³. Существенная угроза охраняемым общественным отношениям выражается не в наступлении материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении общества к исполнению своих публично-правовых обязанностей, к формальным требованиям публичного права⁴.

Отдельные виды правонарушений, за совершение которых, например, установлен повышенный срок давности (ст. 4.5 КоАП РФ), возможны исчисление административного штрафа специальным образом (ст. 3.5 КоАП РФ), назначение основного и дополнительного наказания (ст. 3.3 КоАП РФ), проведение административного расследования (ст. 28.7 КоАП РФ), и ряд других не могут быть отнесены к разряду малозначительных, а иные случаи усмотрения в правоприменении – коррупциогенный фактор. Поэтому полагаем, что деление административных правонарушений по критерию малозначительности недопустимо, так как непонятно, зачем администрация устанавливает правила, за нарушение которых и наказать не может.

Подведем итоги. Говоря об административной ответственности, приходится констатировать, что наполнение поступков признаками противоправности напрямую зависит от административных регламентов и стандартов, иных правил регулирования, обеспечение реализации которых осуществляют органы государственного управления. Справедливость примененных мер определяется обеспечением должного порядка управления, а дифференциация воздействия по различным критериям зависит от усмотрения представителей административной власти, устанавливающих особенности статусов и режимов регламентации соответствующих видов деятельности. Поэтому субъективная часть в рамках примененных мер воздействия зачастую нейтральна, влияние оказывается в первую очередь на саму деятельность (отклонение от норм ее ведения), а не на лиц, ее осуществляющих.

Полагаем, что с методологических позиций имеющиеся меры административного влияния ошибочно рассматривать как институт ответственности. В крайнем случае есть основания полагать, что в КоАП РФ и соответствующих законах субъектов РФ представлен арсенал пресекательно-восстановительных мер, которые наказаниями считаться не могут. Названные меры генетически связаны не с мерами уголовной репрессии, а с иными методами административно-правового воздействия (учетно-регистрационными, санкционированием, лицензированием, содействием, оперативным реагированием). Их включения в самостоятельный законодательный акт, посвященный охранительному воздействию, не требуется, так как представленные средства носят регулятивный характер; достаточно их включения в единый арсенал средств, предусмотренных в соответствующем регламенте или стандарте. Формальная противоправность поступка вовсе не свидетельствует о его опасности (вредности, нежелательности и пр.) для социума. Есть лишь отклонение от заданной оптимальной линии поведения, от порядка управления, который навязан административной властью, в связи с чем можно утверждать, что корректирующие и компенсирующие меры лишь дисциплинируют, но не наказывают.

¹ Постановление ФАС Поволжского округа от 6 июля 2007 г. № А65-324/07; постановления ФАС Северо-Западного округа от 12 июля 2007 г. № А56-52293/2006, от 7 августа 2007 г. № А66-389/2007.

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2008 г. № 17АП-1763/2008-АК.

³ Постановление ФАС Уральского округа от 2 декабря 2008 г. № Ф09-9077/08-С1.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2011 г. № 09АП-5549/2011-АК.

Список литературы

Александрова Р. С. К вопросу о законотворчестве субъектов РФ в области установления административной ответственности // Российская юстиция. 2010. № 9.

Анганзоров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. 2009. № 2.

Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1.

Болотин В. С., Старостин Б. А. Проблемы правового регулирования субъектами России вопросов административной ответственности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ // Административное право и процесс. 2010. № 4.

Брциева З. Г. Коллизия норм по передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях субъектами Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 15.

Головки Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russica. 2016. № 1.

Иванов И. С. Продажа товара с истекшим сроком годности: уголовная или административная ответственность? // СПС «КонсультантПлюс». 2011.

Ильин И. В. Вопросы установления административной ответственности за нарушение правил обеспечения безопасности как меры охранительного предупреждения экономической преступности // Российский следователь. 2012. № 9.

Кириин А. В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) // Административное право и процесс. 2013. № 7.

Кисин В. Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. № 7.

Лыков В. А. Соотношение административной и уголовной ответственности // Законность. 2010. № 5.

Масленников М. Я. Законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности: правотворчество и центробежные импровизации // Административный процесс: теория и практика / отв. ред. А. С. Дугенец. М., 2008.

МВД предложило ужесточить наказание за насилие в семье // НТВ. 2017. 17 дек. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1963580/>.

Мещерякова Т. Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2.

Немова О. Ю. Изменение судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с деятельностью филиалов (представительств) юридического лица // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2008. № 2.

Панкова О. В. Административная ответственность за налоговые преступления: проблемы и судебная практика применения КоАП РФ // Журнал российского права. 2004. № 1.

Попугаев Ю. И. О внутриотраслевой коллизии норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, способы ее разрешения // Административное право и процесс. 2013. № 10.

Пурге А. Р. Административная ответственность в семейных правоотношениях // Административное и муниципальное право. 2017. № 9.

Россинский Б. В. О полномочиях Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области установления административной ответственности // Административное право и процесс. 2015. № 6.

Сырых В. М., Панкратов И. Ф. Дисциплинарная и административная ответственность за экологические преступления // Журнал российского права. 1998. № 7.

Федосеева Н. Н., Чугунов Н. А. Совершенствование механизмов привлечения к уголовной и административной ответственности лиц, уклоняющихся от призыва // Военно-юридический журнал. 2010. № 9.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М., 2015.

Хоменко А. Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1.

Чаннов С. Е. Состав административного правонарушения как основание административной ответственности // СПС «КонсультантПлюс». 2008.

Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении: курс лекций. М., 2003 (Сер.: Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6).

Ядыкин Ю. Уголовная и административная ответственность за хищение // Законность. 2006. № 1.

References

- Aleksandrova R. S.* K voprosu o zakonotvorchestve sub"ektov RF v oblasti ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti // Rossiiskaya yustitsiya. 2010. № 9.
- Anganzorov O.* Privlechenie litsa k ugolovnoi otvetstvennosti posle privlecheniya ego k administrativnoi otvetstvennosti za to zhe pravonarushenie // Zakonnost'. 2009. № 2.
- Antonovich E. K., Osipov A. L.* Aktual'nye voprosy primeneniya instituta administrativnoi preyditsii v ugolovnom sudoproizvodstve // Advokat. 2017. № 1.
- Bolotin V. S., Starostin B. A.* Problemy pravovogo regulirovaniya sub"ektami Rossii voprosov administrativnoi otvetstvennosti v sfere oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv // Administrativnoe pravo i protsess. 2010. № 4.
- Brtsieva Z. G.* Kolliziya norm po peredache MVD Rossii chasti polnomochii po sostavleniyu protokolov ob administrativnykh pravonarusheniyakh sub"ektami Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskii sledovatel'. 2016. № 15.
- Channov S. E.* Sostav administrativnogo pravonarusheniya kak osnovanie administrativnoi otvetstvennosti // SPS «Konsul'tantPlyus». 2008.
- Fedoseeva N. N., Chugunov N. A.* Sovershenstvovanie mekhanizmov privlecheniya k ugolovnoi i administrativnoi otvetstvennosti lits, uklonyayushchikhsya ot prizyva // Voенно-юридический журнал. 2010. № 9.
- Fromm E.* Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / per. s nem. E. M. Telyatnikovoi. M., 2015.
- Golovko L. V.* Razgranichenie administrativnoi i ugolovnoi otvetstvennosti po rossiiskomu pravu // Lex Russica. 2016. № 1.
- Il'in I. V.* Voprosy ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti za narushenie pravil obespecheniya bezopasnosti kak mery okhranitel'nogo preduprezhdeniya ekonomicheskoi prestupnosti // Rossiiskii sledovatel'. 2012. № 9.
- Ivanov I. S.* Prodazha tovara s istekshim srokom godnosti: ugolovnaya ili administrativnaya otvetstvennost'? // SPS «Konsul'tantPlyus». 2011.
- Khomenko A. N.* Problemy ispol'zovaniya administrativnoi preyditsii v ugolovnom prave // Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii. 2017. № 1.
- Kirin A. V.* Eshche raz o genezise administrativnoi otvetstvennosti v rossiiskom prave (ili otvet stonnikom «shirokogo» ugolovnogo prava) // Administrativnoe pravo i protsess. 2013. № 7.
- Kisin V. R.* Sostoyanie granitsy mezhdru administrativnoi i ugolovnoi otvetstvennost'yu // Administrativnoe pravo i protsess. 2016. № 7.
- Lykov V. A.* Sootnoshenie administrativnoi i ugolovnoi otvetstvennosti // Zakonnost'. 2010. № 5.
- Maslennikov M. Ya.* Zakonodatel'stvo sub"ektov Rossiiskoi Federatsii ob administrativnoi otvetstvennosti: pravotvorchestvo i tsentrobezhnye improvizatsii // Administrativnyi protsess: teoriya i praktika / otv. red. A. S. Dugenets. M., 2008.
- Meshcheryakova T. R.* Administrativnaya otvetstvennost' za oskorblenie // Administrativnoe pravo i protsess. 2014. № 2.
- MVD predlozhilo uzhestochit' nakazanie za nasilie v sem'e // NTV. 2017. 17 dek. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1963580/>.
- Nemova O. Yu.* Izmenenie sudebnoi praktiki rassmotreniya del ob administrativnykh pravonarusheniyakh, svyazannykh s deyatelnost'yu filialov (predstavitel'stv) yuridicheskogo litsa // Vestnik Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy. 2008. № 2.
- Pankova O. V.* Administrativnaya otvetstvennost' za nalogovye prestupleniya: problemy i sudebnaya praktika primeneniya KoAP RF // Zhurnal rossiiskogo prava. 2004. № 1.
- Popugaev Yu. I.* O vnuritraslevoi kollizii norm, predusmatrivayushchikh administrativnuyu i ugolovnuyu otvetstvennost', sposoby ee razresheniya // Administrativnoe pravo i protsess. 2013. № 10.
- Purge A. R.* Administrativnaya otvetstvennost' v semeinykh pravootnosheniyakh // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2017. № 9.
- Rossinskii B. V.* O polnomochiyakh Rossiiskoi Federatsii i sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v oblasti ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti // Administrativnoe pravo i protsess. 2015. № 6.
- Shchedrovitskii G. P.* Protsessy i struktury v myshlenii: kurs lektsii. M., 2003 (Ser.: Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo. T. 6).
- Syrykh V. M., Pankratov I. F.* Distsiplinarnaya i administrativnaya otvetstvennost' za ekologicheskie prestupleniya // Zhurnal rossiiskogo prava. 1998. № 7.
- Yadykin Yu.* Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost' za khishchenie // Zakonnost'. 2006. № 1.